

Потапова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры российской и всеобщей истории
Сахалинского государственного университета

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К «СЕКТАНТАМ» (ЕВАНГЕЛЬСКИМ
ХРИСТИАНАМ И БАПТИСТАМ)
В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

Аннотация:

В статье анализируется исторический опыт государственной политики по отношению к евангельским христианам и баптистам («сектантам») в период становления советской власти. Рассматривается эволюция отношения государства к исследуемым деноминациям от «лояльности» и попыток сотрудничества к жесткому государственному контролю и репрессиям. Верующие постепенно были лишены права на альтернативную гражданскую службу, возможность религиозного воспитания детей была жестко регламентирована. Коммунистическая партия, основывавшаяся на атеизме, видела в «сектантах» идеологического конкурента и потому основной задачей в религиозной сфере объявила борьбу с сектантством.

Ключевые слова:

«сектантство», евангельское христианство, баптизм, протестантизм, альтернативная гражданская служба, коммуны, свобода вероисповедания, Антирелигиозная комиссия, безбожники.

Potapova Natalia Vladimirovna

PhD in History, Assistant Professor,
Russian and World History Subdepartment,
Sakhalin State University

**EVOLUTION OF THE SOVIET POLICY
REGARDING THE “SECTARIANS”
(EVANGELICAL CHRISTIANS
AND BAPTISTS)
IN THE EARLY 1920-S**

Summary:

This article analyzes the historical experience of the state policy regarding Evangelical Christians and Baptists (“sectarians”) during the period of establishment of the Soviet power. The author considers evolution of the government’s attitude to the studied denominations from “loyalty” and cooperation attempts to the strict state control and repressions. The aforesaid regulation concerned the issues of conscription privileges, religious propaganda in the Red Army (a strict ban of which was imposed), religious education of children. The Communist Party, being based on atheism, saw ideological rival in the “sectarians”, that’s why combatting sectarianism was announced to be the essential task in the religious sphere.

Keywords:

sectarianism, Evangelical Christianity, Baptism, Protestant, alternative civilian service, communities, religious freedom, Anti-religious Committee, atheists.

После прихода к власти большевиков с конца 1917 г. формально происходит эволюция отечественного законодательства в сторону закрепления принципа свободы совести, в том числе предоставления полной свободы вероисповедания. Декрет 23 января 1918 г. стал основой советского законодательства по религиозным вопросам, осуществил отделение церкви от государства и школы от церкви, что уравнивало все конфессии в правах [1].

Декрет воплощал идею светского государства, однако лишение религиозных организаций статуса юридического лица объективно делало их зависимыми от государства. Отделение церкви от государства в этом случае предполагало не освобождение, а равное бесправие всех религиозных организаций и их полную равную зависимость от государства. В лишении прав юридического лица религиозных организаций состояло принципиальное отличие советского законодательства о культурах от правового режима отделения Церкви в западных странах. Декрет провозглашал принцип свободы совести, однако атеизму как элементу государственной идеологии в последующем был предоставлен приоритет и государственное покровительство, в отличие от религии, судьба которой в социалистическом обществе была предрешена.

В условиях глубочайшего социально-политического и военного кризиса, в котором находилась Россия в послереволюционный период, выработка религиозной политики не могла быть приоритетным направлением деятельности новой власти. Правительство большевиков в религиозном вопросе в тот момент определило главное направление: решительно проведя мероприятия по внедрению новых отношений между государством и церковью, оно перешло к репрессиям против Русской православной церкви (РПЦ), подразумевавшим, что ее преследуют как идеологическое ведомство самодержавия, объявившее себя противником большевиков.

Несформированность религиозной политики Советского государства в сочетании с дореволюционными симпатиями части высшего большевистского руководства к «сектантам», которые как и политические диссиденты подвергались гонениям со стороны самодержавия, а также надежды на их поддержку молодой власти предопределили непоследовательное, но в целом лояльное отношение нового государства к евангельским христианам и баптистам в 1918–1921 гг.

Протестантского типа «сектантские» движения, развившиеся на российской почве, по мнению большевиков, являлись формой социального протеста масс против деспотизма самодержавия. В своих ранних работах В.И. Ленин называл «сектантство» «выступлением политического протеста под религиозной оболочкой» [2]. Вскоре, однако, антиправославная компания расширила свои конфессиональные границы и превратилась в антирелигиозную, поставив под сомнение правомерность существования в Советском государстве всех идеологических конкурентов, всех религиозных течений.

Стоит отметить, что нарастание конфликта между обществом и государством, характерное для XIX в., особенно явным становится в начале XX в. [3]. Следствием этого стала политизация всей общественной жизни, оценок деятельности государственных структур, общественных организаций, личностей, конструирование образов «врагов», борьба всех против всех. Ситуация усугубилась в период Первой мировой войны и обострилась до крайности в период революций и Гражданской войны. В это время иные оценки, кроме одномерных («свой – чужой», «друг – враг»), были немислимы, что проявлялось как в обществе, так и в деятельности партийно-государственного аппарата. Поэтому неудивительно, что, как только закончилась борьба с «врагами» из первого ряда – белогвардейцами, РПЦ, последовала борьба с другими инакомыслящими, в том числе «сектантами». Со временем коммунизм, основанный на атеизме, стал официальной государственной идеологией, а в последующем, по сути, новой религией [4]. Поэтому если на начальном этапе прежде всего политика была направлена против РПЦ, то в последующем все конфессии уравнились в своем бесправии перед государством и все одинаково считались идеологически чуждыми: «Религия как краеугольное основание старого порядка должна была быть уничтожена» [5].

К 1922 г. нарастает обеспокоенность партийных органов по «сектантскому вопросу». Согласно постановлениям ВЦИК от 12 апреля и 3 августа 1922 г., вводилась обязательная регистрация религиозных объединений в местных государственных органах: «Ни одно религиозное общество, какого бы то ни было культа, не может открыть свои действия без регистрации его в отделе управления губернского или областного исполнительного комитета» [6]. Таким образом, начался переход от «регистрирующей» функции государства в этом вопросе в сторону «разрешительной», что ставило возможность религиозной деятельности общин в прямую зависимость от настроения власти, в первую очередь местной.

«Сектанты» были разделены Антирелигиозной комиссией в ноябре 1922 г. на две категории: «1. Определенно лояльные по отношению к советской власти и не представляющие для нее никакой опасности: молокане, духоборы, штундисты и т. д. 2. Склонные к буржуазной реставрации или анархо-мещанству и располагающие крупными связями в контрреволюционных зарубежных кругах. К числу последних принадлежат толстовцы..., баптисты, евангелисты и т. д. Для баптистов и евангелистов... характерно нежелание служить в Красной армии» [7]. Нет сомнений, что предполагалась борьба с последней, «контрреволюционной» группой. В этот период «сектантство, по сути, оказалось срединной (между двумя крайностями – ортодоксальной православной церковью и атеизмом) идеологией, в наибольшей степени удовлетворявшей образу жизни и мировоззрению мелкого товаропроизводителя города и деревни, ставшего центральной фигурой в сектантстве 1920-х гг.» [8].

В таких оценках социальной сущности «сектантства» современные исследователи подтверждают идеи, высказанные по этому поводу первыми советскими «антирелигиозниками». Один из них, Ф. Путинцев, анализируя классовые основы «сектантства» и выявляя комплекс причин его роста, справедливо заметил, что «безбожие и церковность как две одинаково воинственные, “крайние” идеологии не могли удовлетворить нейтрально-выжидательно настроенные слои середняков и городских мелких буржуа... С переходом к нэпу рост сектантства усилился за счет середняков». Первая безбожная литература открыто признавала «сектантство» идеологическим конкурентом новой власти, прежде всего в деревне. Описывая рост религиозности части «несознательного населения» в годы Гражданской войны под влиянием разрухи и голода, Ф. Путинцев отмечал: «При частично растущих религиозных настроениях и одновременном падении авторитета церкви часть населения шла именно в сектантство, а не в безбожие» [10]. Таким образом, «сектантство» было определено как классово чуждое явление, к тому же быстро растущее, как конкурент коммунистическо-атеистической идеологии. На повестку дня ставился вопрос о его нейтрализации.

Не пойдя на прямую отмену Декрета об альтернативной службе от 4 января 1919 г., который давал возможность освобождения от несения военной службы с оружием в руках и замены ее альтернативной службой приверженцам ряда религиозных организаций [11; 12; 13], органы коммунистической партии и Советского государства, в первую очередь Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и ВЧК – ГПУ – ОГПУ, предприняли уже в начале 1920-х гг. ряд мер для того, чтобы евангельские церкви «добровольно» признали военную службу с оружием в руках обязательной для своих последователей.

Позднее правительством были предприняты меры по ограничению действия декрета. Постановление НКЮ РСФСР от 5 июля 1919 г. «О применении декрета об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям» и циркуляр 4 августа 1920 г. НКЮ РСФСР «Об уклонении от воинской повинности по так называемым “религиозным убеждениям”» возложили на ОСРОГ ответственность за достоверность сведений об антимилитаристских воззрениях лиц, ходатайствующих об освобождении. Полномочия Объединенного совета были сокращены, и были расширены полномочия судов, которые получали право на отклонение результатов экспертизы в случае сомнений. Обоснованием для введения этих мер служило утверждение об участившихся случаях уклонения от военной службы лиц, «принадлежащих к организациям, не только не отрицающим своего деятельного участия в империалистических войнах в прошлом и настоящем, но и принимавшим в них самое деятельное участие» [14]. 21 декабря 1920 г. было опубликовано Постановление СНК во изменение и дополнение декрета 4 января 1919 г. В соответствии с ним ОСРОГ лишился права на экспертизу по ходатайствам об освобождении от воинской повинности. Вопрос теперь решал Народный суд на местах, экспертиза проводилась судом с участием представителей общины, к которой принадлежал призванный [15].

Эта же проблема была искусно использована в качестве «яблока раздора» для раскола и разложения евангельского движения. Уже первое решение комиссии по проведению Декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) по вопросу об альтернативной гражданской службе продемонстрировало, что она будет решительно выступать за дальнейшее сужение круга лиц, имеющих законное право претендовать на освобождение от службы по религиозным убеждениям. 28 ноября 1922 г. комиссия пришла к заключению, что «привилегией по воинской повинности могут пользоваться лишь те секты, которые пользовались ею до революции», и поручила НКЮ РСФСР разработать положение о запрещении религиозной пропаганды в Красной армии [16].

После выхода Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви дети евангельских христиан и баптистов были освобождены от принуждений, которым ранее они подвергались в школах в связи с преподаванием Закона Божия в православном духе, почти при всех общинах были созданы воскресные школы. Однако 21 января 1921 г. была издана специальная инструкция Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), 13 июня 1921 г. основные положения этой инструкции были оформлены Декретом ВЦИК РСФСР, а пятый отдел НКЮ в мае 1922 г. представил свое разъяснение инструкции. Согласно этим документам, преподавание основ вероучения детям, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, «разрешается на дому либо по поручению родителей – посторонним лицам при условии, если оно не проводится в форме групповых занятий, каковыми должны быть признаваемы всякие занятия с числом детей свыше трех, независимо от того, принадлежат они к одной семье или к нескольким» [17; 18]. Таким образом, религиозное воспитание детей не запрещалось законодательно, но жестко регламентировалось государством через подзаконные акты.

Отношение новой власти к исследуемым течениям не было однозначным, что выразилось в разных точках зрения, существовавших по «сектантскому» вопросу в партийно-советском руководстве. С одной стороны, «сектанты» издавна пользовались симпатией части старых большевиков как пострадавшие от деспотизма самодержавия. Можно было рассчитывать также на их экономическую поддержку молодой власти, они составляли идеологическую конкуренцию РПЦ, в этом смысле их деятельность соответствовала антиправославной направленности действий советской власти в этот период.

С другой стороны, новая власть не могла обойти вниманием классовые характеристики «сектантства» как чуждого, мелкобуржуазного явления, а также в перспективе можно было предполагать, что сектантские организации, усилившись, смогут составить идеологическую конкуренцию новой коммунистическо-атеистической власти, претендующей на идеологическую монополию. Уже весной 1921 г., после проведенного в Москве под контролем правительства Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производственных объединений, на котором большинство присутствующих составляли баптисты, В.Д. Бонч-Бруевич откорректировал свое отношение к сектантству, обнаружив, что его требования и цели вовсе не коммунистические, а мелкобуржуазные. По этому поводу им была написана работа «Кривое зеркало сектантства» [19].

Приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) № 150 «Об усилении борьбы с контрреволюционным подпольем» от 1 декабря 1920 г. наглядно свидетельствует, что к концу 1920 г. евангельские церкви были однозначно отнесены руководством ВЧК к наиболее опасным для советской власти группировкам. В документе внимание чекистов было главным образом обращено на переход роли главной контрреволюционной силы от монархистов и кадетов к эсерам и «другим соглашательским партиям». В связи с этим утверждалось, что для осуществления своей антисоветской деятельности эсеровское подполье вступит в контакт с «легализованными общи-

нами евангелистов и толстовцев, под флагом которых контрреволюционеры собираются действовать исподволь и осторожно». Для успешного противодействия планам контрреволюции органам ВЧК приказывалось организовать постоянный учет «всех настоящих и бывших членов евангелическо-христианских и толстовских обществ», вести за подучетным контингентом «неослабное наблюдение для выяснения их знакомств, связей и т. д.», а также «вливать в указанные партии и организации достаточное количество опытных, способных и вполне компетентных осведомителей, которым предписать ... активное участие в их жизни» [20].

С прекращением Гражданской войны усилилось государственное регулирование религиозной жизни населения страны, в частности протестантов. По признанию начальника 6-го отделения СО ОГПУ Е.А. Тучкова, «работа по сектантству» в его ведомстве началась с середины 1923 г.: «Приступив вплотную к этой работе <...> и поставив себе задачей заставить сектантов признать для себя обязательной военную службу в Советской России, необходимо лишить их единства организации и тем самым приостановить рост сектантства» [21]. Советское руководство, стремясь к идеологической монополии, предприняло немало шагов в этом направлении, и борьба с сектантством в религиозной сфере стала основной задачей [22]. По мнению Т. Бисона, победа в Гражданской войне и уничтожение всех политических противников (партий), курс, взятый на идеологическую монополию большевиков, привели к тому, что «ленинская концепция дореволюционного периода о нейтральности государства в религиозных вопросах в связи со сращиванием партийного и государственного аппаратов не могла уже быть реализована. Партийная позиция по отношению к религии трансформировалась в государственную политику» [23].

В 1925 г. происходит организационное оформление антирелигиозного движения – создается «Союз безбожников» (с 1929 г. – «Союз воинствующих безбожников»). Перелом в отношениях государства и сектантов был предопределен в период подготовки и работы Всесоюзного совещания по антирелигиозной пропаганде (апрель 1926 г.), на котором была проанализирована сложившаяся ситуация. По результатам работы совещания к 1927 г. ОГПУ и ЦК ВКП(б) выработали «практические предложения», которые в целом определили курс на борьбу с сектантством. В 1927–1928 гг. была проведена большая работа по сбору и анализу материала, детальному изучению сектантства, главным образом его «социально-классового лица». Анализ собранных материалов шел в русле, заданном Всесоюзным совещанием. Собранные сведения позволили деятелям «безбожного» движения подготовить теоретико-идеологическую основу для ужесточения государственной политики по отношению к «сектантству», а в последующие годы – и для прямых репрессий против верующих.

В целом законодательство большевиков отвечало устремлениям евангельских христиан и баптистов, за исключением лишения религиозных организаций прав юридического лица, однако постепенно происходила эволюция взглядов на «сектантство» от либерального подхода в сторону формирования отношения к нему как к быстро растущему численно идеологическому конкуренту. Постепенно стало ясно, что утрата православию положения государственной религии не принесла другим религиозным течениям ожидаемых свобод. Они уравнились с православием только в бесправии. На рубеже 1922–1923 гг. начинается новый период государственной политики по отношению к «сектантам», контроль государственных органов за их жизнью становится откровенным и неприкрытым.

Ссылки:

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373.
2. Ленин В.И. Проект программы нашей партии. 1899 [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 4. 1898. Апрель. 1901. М., 1967. С. 28. URL: <http://libelli.ru/works/4-11.htm> (дата обращения: 20.04.2012).
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т.2. СПб., 2003. С. 231.
4. Kolarz W. Religion in Soviet Union. London, 1961. P. 18.
5. Timasheff N.S. Religion in Soviet Russia. 1917–1942. Westport, Connecticut, 1979. P. 21.
6. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории). Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 19.
7. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 161.
8. Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х гг.). СПб., 2003. С. 66.
9. Путинцев Ф. Современное сектантство // Антирелигиозник. 1926. № 4. С. 52.
10. Путинцев Ф. Современное сектантство // Критика религиозного сектантства (опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х гг.). М., 1974. С. 74–75.
11. Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 282–283.
12. Ко всем религиозным общинам, обществам и группам // Братский союз. 1920. № 1. Март. С. 11–12.
13. О трудящихся братьях // Утренняя звезда. 1921. №1. Январь. С. 1–2.
14. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / сост., вступ. ст. и коммент. А.И. Савина. Новосибирск, 2004. С. 13.
15. Постановление Совета народных комиссаров во изменение и дополнение декрета 4 января 1919 года // Утренняя звезда. 1921. № 1. Январь. С. 3.

16. Савин А.И. Альтернативная гражданская служба в Советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI вв.): сб. науч. ст. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2009. С. 85.
17. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 179.
18. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. С. 65.
19. Бонч-Бруевич В.Д. Кривое зеркало сектантства (По поводу 1-го Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных объединений). М., 1922.
20. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991 : справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 373–374.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 96.
22. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader / ed. by Felix Corley. New York, 1996. P. 13–14.
23. Beeson T. Discretion and Valour: Religion conditions in Russia and Eastern Europe. Philadelphia, 1982. P. 35.

References:

1. *Decrees of the Soviet government* 1957, vol. 1, Moscow, p. 373.
2. Lenin, VI 1967, 'The draft program of our party. 1899', *Complete Works*, 5th ed., vol. 4, 1898. April. 1901, Moscow, p. 28, retrieved 20 April 2012, <<http://libelli.ru/works/4-11.htm>>.
3. Mironov, BN 2003, *Social History of Russian Empire period (XVIII - beginning of XX century.) The genesis of the individual, the family of democratic, civil society and the rule of law in 2 volumes*, volume 2, St. Petersburg, p. 231.
4. Kolarz, W 1961, *Religion in Soviet Union*, London, p. 18.
5. Timasheff, NS 1979, *Religion in Soviet Russia. 1917-1942*, Westport, Connecticut, p. 21.
6. *RGASPI*, f. 17, op. 60, d. 158, l. 19.
7. *RGASPI*, f. 5, op. 2, d. 55, l. 161.
8. Kravivin, MY, Leikin, AY & Dalgatov, AG 2003, *Destiny Christian sectarianism in Soviet Russia (1917 - the end of the 1930s)*, St. Petersburg, p. 66.
9. Putintsev, F 1926, 'Modern sectarianism', *Antireligioznik*, no. 4, p. 52.
10. Putintsev, F 1974, 'Sectarianism', *Modern Criticism of religious sectarianism (the experience of studying religious sectarianism in the 20's - early 30-ies)*, Moscow, p. 74-75.
11. *Decrees of the Soviet government* 1968, vol. 4, Moscow, p. 282-283.
12. 'To all religious communities, societies and groups' 1920, *Fraternal Union*, no. 1, March, p. 11-12.
13. 'Workers brothers' 1921, *Morning Star*, no. 1, January, p. 1-2.
14. Savin, AI (comp.) 2004, *The Soviet state and evangelical churches in Siberia in 1920-1941. Documents and materials*, Novosibirsk, p. 13.
15. 'Resolution of the Council of People's Commissars of the change and the addition of the decree January 4, 1919' 1921, *Morning Star*, no. 1, January, p. 3.
16. Savin, AI 2009, 'Alternative military service in Soviet Russia in 1920-1930-ies: the regulatory and legal framework and practical organization', in Shishkin, VI (ed.), *Civil society institutions in Siberia (XX - beginning of XXI century)*, Novosibirsk, p. 85.
17. *History of Evangelical Christians-Baptists in the USSR* 1989, Moscow, p. 179.
18. Nikolskaya, TK 2009, *Russian Protestantism and State Power in 1905-1991*, St. Petersburg, p. 65.
19. Bonch-Bruевич, VD 1922, *Distorting mirror of sectarianism (For the 1st All-Russian Congress of sectarian agricultural associations)*, Moscow.
20. Kokurin, AI & Petrov, NV (comp.) 2003, *Lubyanka: The bodies of the Cheka - OGPU - NKVD - NKGB - MGB - MIA - KGB. 1917-1991: a handbook*, Moscow, p. 373-374.
21. *RGASPI*, f. 17, op. 60, d. 509, l. 96.
22. Corley, Felix (ed.) 1996, *Religion in the Soviet Union: An Archival Reader*, New York, p. 13-14.
23. Beeson, T 1982, *Discretion and Valour: Religion conditions in Russia and Eastern Europe*, Philadelphia, p. 35.